

УДК 316.323.7

ББК 60.524

Л 77

Н.Л. Лопатина,

кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры истории и психологии Кемеровского государственного медицинского университета, г. Кемерово, тел.: +79059000366, e-mail: lopatinl@mail.ru

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ОПЫТ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ КРАЯ (НА ПРИМЕРЕ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ)

(Рецензирована)

Аннотация. Используя метод герменевтики, на основе углубленных интервью со 149 бывшими колхозниками делается попытка проанализировать социокультурные трансформации в результате политики коллективизации. Беседы с респондентами дают основание полагать, что произошли значительные социокультурные изменения. В результате коллективизации утратились национальные особенности. Изменилась культура труда, праздничная и песенная культура, культура питания, нравственные ценности. По мнению очевидцев коллективизации, изменились сами люди, ушла соборность, каждый стал сам за себя. Выводы исследования актуальны сегодня для понимания современных процессов в обществе, поскольку постсоветская Россия является наследницей советского периода в связи с культурной преемственностью.

Ключевые слова: герменевтика, углубленные интервью, респонденты, колхозники, социокультурные трансформации, деревня, крестьяне.

N.L. Lopatina,

Candidate of Cultural Science, Associate Professor, Associate Professor of History and Psychology Department of the Kemerovo State Medical University, Kemerovo, ph.: +79059000366, e-mail: lopatinl@mail.ru

HERMENEUTICAL EXPERIENCE TO COMPREHEND SOCIOCULTURAL REGIONAL TRANSFORMATIONS RELATED TO COLLECTIVIZATION

Abstract. Using a hermeneutics method, on the basis of profound interviews with 149 former collective farmers, an attempt is undertaken to analyze sociocultural transformations related to collectivization policy. Conversations with respondents suggest that there were considerable sociocultural changes. As a result of collectivization national peculiarities were lost. The standard of work, festive and song culture, culture of drink and moral values changed. According to eyewitnesses of collectivization, people changed, conciliarity left and everyone became for himself. Conclusions of this research are urgent today for a comprehension of the contemporary processes in society, since Post-Soviet Russia is a successor of the Soviet period associated with cultural continuity.

Keywords: hermeneutics, profound interviews, respondents, collective farmers, sociocultural transformations, village, peasants.

Основоположник герменевтики Ф. Шлейермахер видел в ней общую теорию интерпретации и основу для всех гуманитарных наук. Он доказывал, что с помощью психологического «вживания» можно проникнуть во внутренний мир авторов даже древних текстов, во внутренний мир исторических деятелей и на этой основе реконструировать исторические события. Ф. Шлейермахер полагал, что герменевтика способна понять историческую реальность более глубоко, чем их осознавали даже сами участники событий. В. Дильтей видел в герменевтике искусство понимания. Очевидно, что искусство и «вживание» в текст сопряжены с культурным уровнем, системой знаний, опытом и т.д. исследователя. Герменевтическое искусство актуально не только для письменного текста, но и для устного рассказа. Психологическое, историческое «вживание» даёт возможность лучше понять респондента, а следовательно – более детально расспросить и составить более объективное представление об историческом событии. Задача исследователя – не только задавать вопросы, но и быть «соучастником», сопереживающим респонденту, что делает рассказчика более откровенным и словоохотливым. Однако сопереживать не так просто, особенно если расспрашивать о трагических страницах истории.

Такой трагической страницей явилась коллективизация в СССР. В 1990-е гг. Кемеровский общественно-научный фонд «Исторические исследования» во главе с профессором Л.Н. Лопатиным провел опрос 149 очевидцев коллективизации, родившихся в 1904-1934 гг. Респондентами оказались крестьяне всех социальных слоёв деревни – от батраков до кулаков – в основном Кемеровской области, отчасти Новосибирской, Алтая, Украины. По итогам опубликованы монографии [1, 2, 3].

Опрос очевидцев коллективизации оказался эмоционально

сложным. Респонденты рассказывали о трагедиях своей семьи и деревни. Временами плакали, очень резко высказывались. Их переживания, страхи передавались исследователям. Удивительным оказалось, что люди почтенного возраста в деталях помнят события 1920-30-х гг., что свидетельствует о пережитом ими потрясении. Для многих жизнь делилась на эпохи «до коллективизации» и «после коллективизации», а не на привычные для современника «до войны» и «после войны», что также свидетельствует о значимости в их жизни коллективизации. Опрос проходил в период либеральных реформ, поэтому люди могли отвечать на вопросы исследователей без идеологического саморедактирования. И, тем не менее, часть респондентов с легкой иронией спрашивали, «когда за ними придут», что им «за это будет», говорили, что хочется «дома умереть». Многие сознавались, что не рассказали бы раньше ничего. Часть респондентов просили не называть их фамилии. Отвечая на наши вопросы, люди почтенного возраста продемонстрировали народную мудрость, о которой принято говорить, но которую, как правило, не принято брать во внимание.

Целью нашего исследования является изучение социально-экономических, социокультурных трансформаций в советской деревне в связи с коллективизацией. Применяя методы герменевтики, мы получили возможность проникнуть в действительную сущность коллективизации, обнаружить явную некорректность картин колхозной жизни, представленных авторами как лучших литературных, кинематографических, так и научных произведений советского периода. Сама же коллективизация представлена как историческая необходимость, приведшая в «светлое будущее» советское крестьянство.

В понимании бывших колхозников коллективизация – это грабёж,

насилие, бесправие. «Коллективизация в нашей семье связывается с каторгой, бесправием, подневольным трудом. Вспоминаю её как разорение комиссарами хозяйств, грабеж ими крестьянского имущества. Это горе и слезы крестьян. От родителей я часто слышал проклятия властям за коллективизацию!» [3; 55]. «И вспоминать про то страшно! Я потом про это в книжке читала. «Поднятая целина» называется. Там всё по правде написано. Я даже плакала. Только плакала не над тем, над чем полагалось. Жалела я книжных раскулаченных» [3; 131]. Все без исключения говорили о насилии при создании колхозов. «Издевались над людьми, как хотели» [3; 226].

Крестьяне вспоминали раскулачивание как самое большое горе, которое им пришлось пережить в жизни. Даже войну они описывали более спокойными словами: «Что поделаешь, мужики пошли воевать. Родину защищать надо!». Наиболее характерными были слова о раскулачивании: «Ох, сколько горя, плача и причитаний было! Так страшно было! Такая была безысходность! Как это было несправедливо!» [3; 84].

Интервью показали, что отношение крестьян к кулакам и раскулаченным было совсем не таким, каким оно описано в классической советской научной и художественной литературе. «Раскулаченным не позавидуешь! Хоть мы и бедно жили, но зла им не желали. Мы за счет их и жили. К кулакам мы относились как к нашим помощникам в жизни» [3; 170]. Мнение о кулаках как трудолюбивых соседях было единодушным. Точно так же, как и мнение о бедняках, которые, за малым исключением, были для респондентов «лодырями», «пьяницами», «голытьбой». Люди недоумевали, зачем уничтожали самых трудолюбивых крестьян.

С властью крестьяне предпочитали находиться на почтительном

расстоянии. Хоть она и называлась «рабоче-крестьянской», но крестьяне её своей не считали. Политикой старались не интересоваться. Люди стали с подозрением и недоверием относиться к соседям, боясь, что те донесут (за частушку, за «лишний разговор», за неучтенную овечку и пр.). «Народ был запуган» [3; 118].

Колхозники утратили интерес не только к делам страны, но и к общедеревенской жизни, старались «не высовываться». Покорно голосовали за любого председателя, безропотно сносили их самодурство, даже побои и угрозу оружием. Виною тому вряд ли можно считать только робость перед властью. Ответ надо искать во всем укладе колхозной жизни. С образованием колхозов крестьяне не просто жили, а боролись за физическое выживание. Те, кто помнил доколхозную жизнь (бывшие кулаки и бывшие бедняки), отмечали, что до колхозов ели сытно: на столе было мясо, молоко, хлеб. С приходом колхозов эти продукты исчезли из рациона питания. «До колхозов мы хорошо жили! У нас был большой амбар. Он всегда был полон. Мы не были богачами, были и справнее хозяйства. Только коллективизация разорила и нас, и их» [3; 236]. Все респонденты отметили, что с коллективизацией пришёл голод. Таким образом, их рассказы дают более полную картину коллективизации, поскольку в официальных источниках: периодической печати, партийных документах и т.п., отсутствует слово «голод». Бывшая коммунарка А.З. Михайлова на вопрос об изменении лица деревни после коллективизации воскликнула: «Какая деревня! Всех же в колхоз загнали! Мы сразу же стали хуже жить. Да и как иначе?» [3; 27]. Для 93-летней женщины колхоз и русская деревня – понятия разные.

Колхозники признавались, что за труд они почти ничего не получали. Оплата за труд не позволяла крестьянам выжить. Чтобы

прокормить детей, люди воровали «социалистическое добро». Причем среди колхозников это воровством не считалось. Между собой они говорили, что берут своё. «Жили впроголодь и до войны, и во время, и после войны. Женщины собирали после уборки урожая с полей картошку, зерно и еще что-нибудь для своих детей. За это их сажали в тюрьму как расхитителей социалистической собственности» [3; 351]. Респонденты рассказывали, что по закону «О колосках» репрессировали женщин, не смотря на количество у неё детей.

Несмотря на материальные тяготы, все опрошиваемые говорили, что «тогда жили весело, не то, что сейчас», «на работу и с работы шли с песнями». Респонденты пытались найти причину ухода песни из повседневной современной жизни. К.Д. Бабилова мудро заметила: «Пели, наверное, потому, что это родители в нас вложили. Старые традиции соблюдали. Мама говорила, что раньше, в старину, люди часто пели. Истребили в нас традиции предков!» [3; 352]. По рассказам респондентов, видно, что отеческие вековые традиции исчезли за два десятилетия колхозной жизни.

По мнению бывших колхозников, колхозная жизнь перебила у крестьянина многие народные традиции. Под влиянием власти в колхозной деревне поменялась система ценностных ориентаций. Ушла любовь к труду. Колхозные крестьяне постепенно утратили веру в Бога, почитание взрослых. Зато появились воровство (не только колхозного имущества) и пьянство как образ жизни. В доколхозной деревне пьяница сходил на уровне деревенского дурачка. «В деревне были свои традиции, которые от дедов пришли. Родители учили нас уважать старшего человека. Да и вообще уважению к человеку учили... Пьянства сильного не было. Праздники гуляли весело, всей деревней... Но это до колхозов гуляли. А когда колхоз

пошел, так некогда стало веселиться. Ушла хорошая жизнь с приходом колхозов» [3; 90].

Результаты анализа интервью показали, что коллективизация явилась катастрофой не только для крестьянства, но и для всего народа. По рассказам тех, кто видел коллективизацию своими глазами, прослеживается изменение психотипа крестьянина, составлявшего основу нации. «Но люди другими стали. Только о себе и думают. А раньше все вместе жили, друг другу помогали, последним куском делились» [3; 242]. По признанию бывших колхозников, воровать уже не считалось позором. Из-за потери стимулов к труду утрачивалось трудолюбие. «В людях выработали лень. Люди уже не хотят работать» [3; 167]. Распространялось пьянство. Респонденты связывают это с падением трудовой культуры. «Но самое главное состоит в том, что люди разучились работать на земле и запились. О, как запились!» [3; 106]. Исчезала общинная консолидация в быту. Падало уважение к старшим и почитание родителей. «Раньше очень уважали стариков. Шли к ним за советом. А потом и это куда-то ушло. Каждый стал сам по себе» [3; 168].

Страх перед карательным государством приучал к лицемерию, ханжеству и доношительству. Безбожие порождало безнравственность. «Но Бог чем-то помешал советской власти. Заставили от него отказаться» [3; 121]. Воспитываемые столетиями нравственные ценности стали исчезать. Создавая колхозы путем насильственного обобществления собственности крестьян, советская власть добилась реализации не столько экономической цели (формирование крупных хозяйств), сколько трансформации социокультурных ценностей. Лишив крестьянина частной собственности, государство сделало его зависимым от себя. В стране сложилась жесткая система экономического и

внеэкономического принуждения крестьян.

Закрепощение крестьянина «Соборным Уложением» от 1649 г. не было столь масштабным, как при советской власти крестьянская политика. «Уложение» лишило крестьянина лишь свободы передвижения, но не собственности на скот, инвентарь и пользование надельной землей. В коллективизацию же крестьянина лишили права и на свободу, и на собственность, а часто и на жизнь. Сами респонденты оценивали своё положение: «Колхозники тогда были, как рабы как крепостные» [3; 328].

Коммунистам удалось столкнуть одну часть деревенской общины с другой. Ведь люди голосовали

против своего соседа на собраниях по раскулачиванию, присутствовали при изъятии его собственности, приобретали за бесценок его имущество и пр. Перспектива оказаться самому раскулаченным оставалась не только протест, но и инициативу, делало крестьянина пассивным гражданином. Поэтому, по их признанию, они стали безропотными.

Понимание социокультурных трансформаций в период коллективизации актуально сегодня, поскольку из среды крестьянства вышел и рабочий класс, и советская интеллигенция, и советские служащие. Постсоветская Россия является преемницей этих социокультурных трансформаций.

Примечания:

1. Лопатина Н.Л. Коллективизация 30-х годов XX века и её влияние на изменение социокультурного облика российской деревни (по воспоминаниям очевидцев). Кемерово, 2005. 137 с.

2. Лопатин Л.Н., Лопатина Н.Л. Антилиберализм и либерализм в Кузбассе. М., 2003. 103 с.

3. Лопатин Л.Н., Лопатина Н.Л. Коллективизация и раскулачивание. (Очевидцы и документы свидетельствуют). Кемерово, 2009. 445 с.

References:

1. Lopatina N.L. Collectivization of the 30s of the twentieth century and its impact on the change of the socio-cultural image of the Russian village (on the recollections of eyewitnesses). Kemerovo, 2005. 137 pp.

2. Lopatin L.M., Lopatina N.L. Anti-liberalism and liberalism in Kuzbass. M., 2003. 103 pp.

3. Lopatin L.M., Lopatina N.L. Collectivization and dispossession. (Witnesses and documents testify). Kemerovo, 2009. 445 pp.